

Копипаста: Подруга моей мамы — Lurkmore

Когда я был маленьким и еще в школу не ходил, к матери постоянно приходили в гости подружки. Молодые, всем чуть за тридцать. Приходила обычно толпа из семи-восьми веселых молодых теток, которые постоянно ржали как лошади, сидели на кухне, пили вино или че покрепче, я не знаю, постоянно занимали ванну, туалет, короче в доме был какой то постоянный банкет и девишник. Я эти посиделки не любил, я вообще был замкнутым ребенком и норовил постоянно спрятаться от них куда нибудь подальше, даже в шкафу от них шкерился и мог просидеть там часами. Но мать вытаскивала меня из шкафа и специально вела показать своим ебанутым лошадям подружкам. Тем конечно похуй было на меня, они приходили не за тем, чтобы на меня поглазеть но они все восхищались и говорили "какой же прекрасный мальчик!". Я у них постоянно путался под ногами, они меня раздражали своим присутствием и я жил в ожидании, когда же они съедутся по домам, это притом, что тетки оставались на ночь почти всегда (они и приходили то всегда на вечер глядя, часам к шести), а зачастую гулянки затягивались на все выходные, то есть дня на два.

Но мне запомнилась только одна мамина подружка. Ее звали тетя Оля. Она была ближе матери, чем остальные, наверное это называется лучшая подружка. У нее было двое детей-одногодков: Генка и Анька, мы были ровесниками. Тетя Оля часто приходила к матери просто так, не выпить или поплясать, а просто поговорить и детей приводила с собой часто (тогда времена были такие, что детские сады все нахуй позакрывались, мы все росли дома). Мы часто гуляли по улицам все вместе, или же тетя Оля сидела с матерью на кухне или они смотрели телевизор в зале, а у нас была своя компания. Помню, как мы письки показывали друг другу в спальне, лол, ну история не об этом. У теть Оли мужа не было, от нас с матерью отец ушел. То есть, он приходил иногда, я за ним всегда скучал и плакал и хотел, чтобы он жил вместе с нами, но мать не хотела его принимать. Называла его мудаком и тряпкой, и я сейчас понимаю, что она была права. А вот у Генки с Анькой, сколько я их помнил отца вообще никогда не было, даже приходящего. Мне нравилась компания брата с сестрой, это были лучшие друзья моего детства, да пожалуй и единственные.

Один раз, во время очередного девишника я выскочил из комнаты в одной майке, без трусов, с болтающимся хуем. Мне было похуй, в шесть лет то. Все материны подружки, увидев эту картину так и ахнули, типа ой как стыдно а потом начали ржать и отпустить всякие пошлости по поводу меня и моего писюна. Мать строго мне приказала: иди и сейчас же одень штаны, неприлично! А тетя Оля притянула меня к себе и пощекотала мой член, как будто играла пальцами. Мне тогда не понравилось, я пытался вырваться, тетя Оля шутливо со мной боролась, обняла меня и не пускала. Мать сделала жалобное выражение лица и протянула так: "Оль, ну хватит уже, не надо!..". На что тетя Оля заявила на весь зал, что она всегда так щекочет своим детям, и Ане, и Генке, и им нравится, не жалуются. Помню, я еще сильно обиделся тогда на тетю Олю, что она без спроса притронулась к моему писюну. Она потом долго пыталась добиться моего расположения, дарила мне всякие книжки-раскраски, шоколадки, всяких ебучих роботов, а я специально дулся, отворачивался и демонстративно ее не замечал, ломал и портил подаренные ею игрушки. Хотя в душе я ее давно простил и мне самому было больно и жалко ее от того что я обижаю тетю Олю. Помню как она мне шептала на ухо: "ну прости, прости!", обнимала и гладила меня. Мне кажется, что она была единственной (кроме матери) кому было не похуй на меня.

В детстве я безумно хотел посмотреть на мамины сиськи и помазать их. Я в этом желании не усматриваю абсолютно никакой порнографии или криминала. Думаю, что у многих, если не у всех было в детстве такое желание, это вполне нормальный и здоровый инстинкт. Я пытался подглядывать за матерью в щель под дверью в ванне, когда та мылась, но естественно, ничего там увидеть не мог. И за ее подружками я тоже наблюдал, действовал по принципу "чем больше сисек увидишь, тем лучше". Мать знала о моем увлечении сиськами, ей это не нравилось, она злилась, когда я ломился к ней в ванну и грозилась отпиздить меня ремнем. Сколько раз я просился у матери в ванну, чтобы помыться вместе с ней, но нет, все было тщетно. Один раз тетя Оля пришла к нам с детьми. Посидели, потом она собралась мыться. Говорит: Аня, Гена, пойдете в душ! Я тогда охуел. Как так, тетя Олины дети моются вместе с ней, а меня мать постоянно отшивает! Тетя Оля говорит: ах, эта мама, такая сьякая нехорошая! А хочешь с нами пойти? Бля, что за вопрос? Конечно, епта!!!! Я аж весь затрясся от предвкушения увидеть тетя Олины сиськи. Она позвала мать вместе с нами, на что та ответила, что решения своего не переменит. И мы пошли в ванну вчетвером. Пиздец, тогда я впервые в жизни увидел сиськи и голую тетю Олю!!!! Никогда не забуду этого. Мы втроем: я, Аня и Генка залезли в ванну. Я еще застенялся тогда, и не поднимая глаз спросил: "Тетя Оля, а можно мне посмотреть на твои..." , -я запнулся и замолчал. Она громко расхохоталась: "На сиськи?! Конечно, глупый, смотри, мы же мыться собрались!". Помню, как тетя Оля старательно натирала меня губкой с мылом, как тряслись ее груди в такт движениям. Она была крепкой такой блондинкой, правда роста небольшого, но мне тогда было похуй, честно))) Такие к старости обычно становятся толстыми до безобразия, но тетя Оле всего то было лет тридцать, фигура у нее была идеальна. Я уже тогда, хоть и был малой и несмышленный, но осознал, что тетя Оля уделяет мне какое то повышенное внимание. И мне это безумно нравилось. Она особенно тщательно и долго водила губкой у меня между ног, я видел, как она при этом волновалась и ее била мелкая дрожь. Я впал тогда в какую то тихую блаженную кому: вроде спишь, а вроде и не спишь, и приятно так. Хорошо, что тетя Оля нежно, но крепко придерживала меня рукой, а то бы я ебнулся об ванну и разбил бы себе голову. Потом она попросила нас натереть ее мыльной губкой. Генка с Анькой, перебивая друг друга в голос затараторили: "а мы всегда моем мамины сиськи и попку!". Они смеялись надо мной, что мне шесть лет, а я до сих пор сисек не видал (какой позор!). Мне тогда реально было жутко стыдно. Тетя Оля сказала детям: так, вы

каждый день моему маму, а Деня сегодня в первый раз сиськи видит, пусть он меня потрет! Дети послушно сели на табуретку и стиральную машинку и стали смотреть. Я натирал губкой большие мягкие тетя Олины сиськи, она руководила моими действиями, подсказывала и показывала как надо. Когда я добрался до ее промежности и стал тереть там, я ощутил, как мелко-мелко трясутся тетя Олины ноги. Она закрыла глаза и мне кажется что даже чуть слышно застонала, я не уверен, было это точно или нет, наверно это я позже выдумал. Я тогда не знал, почему дрожит тетя Оля, я испугался и думал, может ей плохо, но Генка с Анькой сидели спокойно, как будто ничего не происходило. Спросить тетя Олю я побоялся, она меня попросила продолжать и я тер у нее губкой между ног, пока тетя Оля не открыла глаза и не сказала: "Все!..". Потом мы ополоснулись и вылезли из ванной. С тех пор, как только тетя Оля приходила к нам, я постоянно бежал к ней и первым делом спрашивал: тетя Оля, а мы мыться сегодня будем? Мать как бы в шутку брала меня за ухо и говорила: "Что, нравятся тетя Олины сиськи, да? Даже пацана своими сиськами завлекла...". Мать конечно же знала, чем мы занимаемся в ванной, но ничего никогда не говорила против, и к нам тоже никогда не присоединялась. Нравится сыну тереть и мацать лучшую подружку за сиськи- пусть мацает и трет, похуй. Но мне кажется, что она меня жутко ревновала к тетя Оле, когда она приходила, мать постоянно обхватывала меня руками и прижимала к себе, не хотела, чтобы я уходил. Теперь я наоборот силой вырывался от матери и бежал к тетя Оле. Я ревновал тетя Олю ко всем окружающим, даже к Генке, даже к Аньке, когда они подходили и ластились к ней, я всегда подходил и тоже прижимался к тетя Оле, оттирая ее родных детей. Я любил ее больше матери. Походу, это была моя первая, неосознанная, детская, но первая любовь. Тетя Оля была для меня самой красивой, самой желанной, самой охуенной и привлекательной женщиной на свете. Бля, всегда думаю: почему не тетя Оля была моей матерью, все было бы по другому... Я жалею об этом. Я всегда был с матерью в натянутых, холодных и "чужих" отношениях, что в детстве, что когда вырос. Тетя Оля же никогда не стеснялась ни меня, ни матери, она никогда не боялась делать того, о чем мать может узнать и осудить. Более того, мать всегда все знала, но только как бы полусуто смеялась над нашими разговорами и занятиями. Тетя Оля любила при ней всегда выдать что-нибудь веселое и неприличное, от чего я всегда краснел, мать как то неопределенно фыркала, мол вот опять вы за свое, а тетя Оля громко хохотала. Она при матери, когда мы сидели и смотрели телевизор, показывала мне на голых теток с большими сиськами в экране (в дни моего детства весь западный разврат, которого никто не видел в советские годы стремительно хлынул к нам, телевидение тогда было просто заполнено голыми сиськами и задницами даже днем). Тетя Оля грубо так говорила: "Смотри-смотри, видишь, сиськи! Сиськи показывают! Да ты смотри, не отворачивайся, ты ж любишь сиськи-то! Ой, смотри, какие у этой тети большие сиси! Нравятся?". При этом она обычно легонько и ненавязчиво гладила у меня рукой в самом сокровенном месте. Я ерзал на месте от смущения, я тогда стеснялся матери, краснел и оборачивался, чтобы посмотреть на ее реакцию. Мать сидела с таким лицом, будто ничего не слышала и не видела, иногда презрительно так говорила: а, опять сиськи изучаете, ну ну, тетя Оля тебя научит, тебе ж она дороже матери!.. ... Я обожал, любил до безумия, когда тетя Олины руки оказывались у меня между ног и она, смеясь и нежно шепча мне ласковые слова, начинала тереть пальчиками моего писюна. Бывало так, что она не приходила к нам по неделе, я успевал за ней дичайше соскучиться, тосковал, у меня пропадал аппетит, мне казалось, что эти семь чертовых безрадостных дней, проведенных впустую, без моей любимой тети Оли, тянутся целую вечность. Наконец, когда она приходила, я долго, мучительно выжидал момента, когда я останусь с ней наедине. Потом бросался к ней на колени, обнимал ее, целовал ее губы, глаза, щеки, она меня тоже всего осыпала поцелуями. Я смотрел в ее лучистые, голубые, самые красивые в мире глаза и умолял: «Тетя Оля, ну потереби!.. Пожалуйста, потереби писюна!.. Я так за тобой соскучился!» Она садилась к себе на колени и принималась ласково мять и щекотать у меня между ног. В такие моменты у меня внизу живота появлялось какое-то напряжение, будто там гудело. Оно пропадало только когда тетя Оля гладила своими мягкими прохладными ладонями по голове, плечам, спине... На меня накатывала волна какого то всеобщего расслабления, спокойствия и приятной усталости, будто тетя Олины руки уносили меня в рай, и мне ничего не надо, в раю только я и тетя Оля... Тетя Оля зажимала мои ноги у себя между ног и вся мелко-мелко дрожала, и когда она открывала глаза, то в ее чудесных глазах стояли слезы. Она целовала меня и шептала, как в бреду: «я люблю тебя... люблю... мой маленький...» Я тоже целовал ее в мокрые глаза и щеки, собирал губами ее слезы и спрашивал: «Тетя Оля, почему ты плачешь? Я тебя чем-то обидел?» «Глупый!.. нет, нет, что ты, как ты меня можешь обидеть,- шептала тетя Оля, -не бери в голову, это я так... от того, что мне хорошо и я тебя люблю!..» Я ужасно боялся огорчить тетя Олю, в глубине души я всегда считал себя виноватым, когда она плакала и поэтому зацеловывал ее с удвоенной силой.

Она постоянно читала какие-то книги с голыми бабами на обложке, я так подозреваю развратного содержания. Она и матери их тоже давала, мать читала, потом они вдвоем, сидя на диване, смачно обсуждали самые непотребные эпизоды из прочитанного, то почти шепотом, то громко хохоча. Я заинтересовался тетя Олиными книгами, она пыталась их читать со мною вместе, смеясь и объясняя попутно крутые повороты сюжета (я умел читать с четырех лет, пока мать развлекалась с подружками, я сидел в шкафу и изучал книги). Тогда мать, узнав о наших совместных чтениях, впервые высказала свою твердую позицию, мол, нехуй ему такое читать, мал еще. Также я всегда с интересом разглядывал сиськи и пизды в тетя Олиных журналах. Она всегда легко находила со мной язык и умеючи объясняла, почему у девочек и мальчиков разные писки, откуда берутся дети, что такое секс. Все базовые знания о взаимоотношениях полов я получил именно от тетя Оли. Хуй знает как, но ей удавалось все подробно и доходчиво до меня доносить, в отличие от моей матери, от которой я отстранялся все больше и больше и все больше и больше мы друг друга не понимали. Я просто не доверял матери, как тетя Оле. Когда мать оставляла меня с тетя Олей, чтобы она присмотрела за мной, или же приводила меня до тетя Оли в гости, то мы опять плескались по полдня в ванне, выходили из ванны абсолютно голые: я, тетя Оля, Генка и Аня (у тетя Оли вообще всегда все ходило полностью голые, что она, что дети и никто никого не стеснялся). После душа тетя Оля всегда заботливо вытирала меня мягким махровым полотенцем, шутливо трепала

меня рукой за писюна, потом становилась передо мной на колени и целовала губами мое хозяйство. «Ух, какой чистый, аж блестит!»,- говорила она и восхищенно глядела мне в глаза снизу вверх. То ли ее мой хуй так восхищал, то ли обстоятельство, что она его вымыла собственными руками- я точно не знаю. «А нам поцеловать...»- всегда обиженно тянули Генка с Анькой. «А вы обойдетесь!»,- притворившись строгой и сделав серьезное лицо, говорила им тетя Оля,- ваши причендалы и так целую и ублажаю по сто раз в день!» Нууу, мам,- начинали ныть дети. Потом мы все дружно набрасывались на тетю Олю, мяли и кусали ее за сиськи и попу. Она отбивалась, брыкаясь и смеясь, но долго сопротивляться не могла и сдавалась. Мы ее зачастую просто валили всей толпой на диван или даже на пол, усаживались ей промежностями на лицо, терлись ей об нос своими письками и приказывали: «целуй, целуй». Тетя Оля, лежа на спине, сквозь смех целовала и мусолила наши половые органы, мы ей отвечали тем же и целовали ее письку. Потом мы ложились на диван, прижимались к тетю Оле и она нам рассказывала всякие интересные вещи про мир и про разные страны, она знала дохуя и больше про всякие традиции, обычаи разных народов, их историю и все такое. Или читала нам вслух книги, не порнушные, нормальные. Я всегда стремился лечь ей под живот и во время ее рассказов любил тереться макушкой об ее наливные сиськи, прижиматься к ним головой, тереться лицом, ощущая тепло и вдыхая аромат молодого свежего женского тела. Ах, эти сиськи, меня свели с ума, ах, тетя Оля, чудная женщина, женщина-сказка, женщина-мечта, почему не ты меня родила!..Я постоянно вспоминаю тебя и завидую Гене и Анюте!..Где ты сейчас, моя тетя Оля...Еще у нас была невинная на первый взгляд игра, это называлось "поиграть в грудного младенца" или в "ляльку". Тетя Оля говорила, что это ее дети придумали. Мы всегда после ванны просили тетю Олю заискивающими голосами: ну мама, ну давай поиграем, покорми нас, твои детки проголодались!.. Так жалобно канючили и делали плаксивые рожи))) Тетя Оля говорила: ах вы, опять уже кормить!..Но долго ее упрашивать было не надо, так как она сама любила эту забаву. Суть игры была проста. Тетя Оля брала нас по очереди к себе на колени, ложила на спину и заставляла сосать свои сиськи, будто мы маленькие грудные дети. Или же мы все втроем, как телята к корове присасывались к тетю Олиному вымени, и отталкивая друг друга, смачно причмокивая и слюнявя тетю Олины сиськи принимались их сосать. Дело в том, что сисек у нее, как и у всех нормальных женщин было две, а нас-трое. Поэтому всегда кто-то оставался не у дел, так сказать "третий был лишний". Чаще всего этим "лишним" оказывался Генка, мы его с Аней оттирали в сторону и смоктали вдвоем, заглывая по полсиськи в рот. Генка конечно же обижался, но тетя Оля устанавливала равноправие, она считала, что ее роскошные сиськи должны принадлежать всем. Молока у нее конечно тогда уже не было. Когда мы сосали ее, тетя Оля закатывала глаза и смеялась, видно было, что ей очень нравится эта забава. Возможно, мы ей просто слишком щекотали сиськи своими языками. Особенно подолгу смоктал я, и тетя Оля не вынимая держала сиську у меня во рту. Она специально трясла сиськой и строго так говорила: будешь плохо сосать- затолкаю в рот и задохнешься, понял? Я мычал с сиськой во рту: мmmm, угу, это должно было означать "понял" и продолжал смоктать. Я знал, что тетя Оля меня любит и не задумит сиськой, это она просто шутит так, я не хотел ее расстраивать и сосал как можно старательней. В такие моменты я совершенно оправданно называл тетю Олю мамой.

...Они уехали от нас, когда я пошел в третий класс, за два дня до начала учебы. В Калининград. Мы не могли уехать вместе с ними, хотя тетя Оля и уговаривала мать, но та отказалась, сказала: ехать на новое, неизвестное место, наугад, всего боясь и ни на что не надеясь, без уверенности в завтрашнем дне- нет, Оля, я так не могу, прости меня!.. как я буду пацана-то учить, у меня здесь работа, все, здесь родители похоронены. Я тогда впал в какой-то ступор, не мог ни есть, ни спать, ходил как зомби. У меня в голове не укладывалось: как же я останусь без моей мамы, без моей любимой тети Оли...Помню, как плакала на вокзале мать, обнимающая тетю Олю, будто не хотела ее отпускать. У тетю Оли тоже стояли слезы в глазах. Генка и Анюта были какие-то непривычно тихие, задумчивые и молчаливые. Помню, как тетя Оля обняла меня и крепко прижала к себе, сказала: "Будь счастлив, расти сильным и умным!". Матери сказала: "Береги его". Потом они сели в поезд, я смотрел им вслед до конца, как они втроем выглядывали из окна купе, пока поезд не слился с горизонтом. А я все вглядывался в то место, где небо сливается с землей, в глупой надежде различить машущую из окна тетю Олю. У меня перед глазами все расплывалось, будто я был под водой, сердце рвалось на части, мне очень хотелось упасть в пыль прямо здесь и с воем кататься по перрону. Но я сдерживал слезы- стеснялся перед матерью. Мать нервно дернула меня за руку- пойдем. Я вырвал руку, отвернулся и срывающимся голосом сказал: "не хочу, никуда я не пойду!". Мать меня тогда чуть не ударила, она схватила меня за руку и чуть не вырвав ее, поволокла по перрону. Она прошипела: "Тебе еще к линейке готовиться!". Хотя ей тоже тогда было хреново, лицо у нее все было мокрое от слез.

С тех пор прошло много лет. Постепенно все острые подробности сгладились и подзабылись. Я стал взрослым. С матерью я разорвался окончательно. Тетя Оля за все время присылала пару-тройку писем. Мать всегда когда читала их тайком, чтобы я не видел и не слышал как она всхлипывала, слезы душили ее. Она спрашивала у меня уже взрослого: а ты помнишь тетю Олю, вот она письмо написала, постоянно тебя вспоминает и спрашивает, как ты тут...Ты помнишь ее? В детстве ты так любил с нею мыться... Мать никогда не вспоминала мне подробности нашего с тетю Олей общения. Я же со временем вообще стал стесняться всего того, что было и не хотел об этом вспоминать при матери, благо она и не проявляла особого рвения. Когда она заводила разговор про тетю Олю или про то как выросли Генка и Анька я делал вид что мне похуй, я не хочу слушать и не помню вообще, кто это такие. Я отворачивался от матери, но на самом деле в такие моменты слезы застилали мне глаза и мне очень стыдно, что я с таким показным пренебрежением относился к памяти о тетю Оле и ее детях. Когда матери не было дома, я доставал письма, читал и плакал над ними навзрыд. На самом деле я больше всего в жизни хотел бы снова увидеть Генку и Аньку, обнять их, снова пробежаться с ними вместе как в детстве по родному двору, промчаться на санках, скатиться с обледенелой горки, посмотреть, какие они стали взрослые...И снова спустя четверть века прижаться макушкой и потереться лицом об те сиськи, которые сосал, трогал и рассматривал в ванной, старательно натирал губкой в детстве...Затем поднять глаза и встретиться с ее

ясными голубыми глазами- глазами теперь уже пожилой женщины и сказать ей: "Здравствуй, тетя Оля!.. Я тебя люблю."

Читать ещё

- [Состоит из](#)